

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ  
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

# **ШЕСТЫЕ БЕРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ  
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ  
2011

ББК 20.1  
УДК 504:574

Печатается по решению ученого совета Свердловского областного краеведческого музея.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ:**

к.и.н. Викторова В.Д. (ИИиА УрО РАН) — отв. редактор;  
Бузунова С.Г. (СОКМ);  
Панина С.Н. (СОКМ) — отв. за выпуск;  
Федорова Т.А. (СОКМ).

**ISBN 978-5-91357-023-9**

**Шестые Берсовские чтения:** Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции / Министерство культуры и туризма Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей, Институт истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2011. — 264 с.

В сборнике, посвященном памяти Е.М. и А.А. Берс, представлены статьи ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Ижевска, Казани, Воткинска, Челябинска, Миасса, Орска, Кургана, Алма-Аты, Павлодара, Караганды, Омска, Новосибирска, Тюмени, Сургута, Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Халла (Великобритания), Парижа (Франция), посвященные истории археологии, новым исследованиям и открытиям на Урале, проблемам реконструкций и использования естественнонаучных методов в археологических исследованиях, опыту создания археологических каталогов.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов в области археологии, культурологии, истории, музееведения.

ББК 20.1  
УДК 504:574

**ISBN 978-5-91357-023-9**

© Свердловский областной краеведческий музей, 2011  
© ООО «Издательство КВАДРАТ», оригинал-макет, 2011

**1920-Е ГГ. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ:  
СМЕНА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УДМУРТИИ)**

Устойчивый интерес к истории науки, возникший в уральской археологии в последние десятилетия, привел к целенаправленному поиску и выявлению историко-научных источников. Это позволило обозначить значительный круг исследовательских тем, раскрывающих специфические черты регионального развития отечественной науки, связанные с разными темпами развития различных социальных институтов в регионах, особенностями задач внутренней геополитики, предполагавшей разную степень освоения государством внутренних территорий, в том числе и через постановку задач в области археологии.

Сегодня имеется немало работ по истории уральской археологии XIX – начала XX вв., появились интересные изыскания о ее развитии в советские годы. Стало очевидно, что Урал и шире — Урало-Поволжье — на протяжении более трех веков являлся безусловным регионом-лидером российской провинциальной археологии. Здесь сформировались различные типы исторического сознания и исследовательской культуры, были созданы организационные формы, сложилась внутренняя специализация археологии, а сама наука интегрировалась в культурную и социальную системы региона.

Однако отдельные хронологические периоды и территории в истории археологии Урала по-прежнему исследованы неравномерно. Как это ни парадоксально, сегодня с большей полнотой мы представляем события в археологии XIX – начала XX вв., нежели процессы, происходившие в ней в два первых послереволюционных десятилетия. Конечно, это связано и с особенностями политического развития страны, и с сохранностью источников, и с постепенным вызреванием интереса историков науки к этой эпохе в истории региональной археологии.

Между тем 1920-е гг. — период весьма интересный не только в фактологическом плане, но и в методологическом отношении. Это было время не просто смены политических эпох, но и период сложной, многоаспектной смены исследовательских парадигм в исторических науках. В условиях радикальных общественно-политических изменений сложившаяся и успешно развивавшаяся, в значительной мере краеведческая по своей сути, исследовательская традиция пришла во взаимодействие с новыми идеологическими конструктами, организационными изменениями в структуре научной деятельности, возросшей социальной мобильностью, новыми социальными ценностями и геополитическими ориентирами. С одной стороны, традиционная бытописательская культурно-историческая парадигма стала постепенно трансформироваться в сторону освоения новых марксистских принципов и подходов в изучении археологического материала. При этом одновременно новая парадигма находилась в пространстве археологического исследования в процессе начального становления и освоения научным сообществом (Генинг. 1982. С. 92–112). С другой стороны, изменялась организационная форма археологических занятий: притом что 1920-е гг. считаются «золотым веком» краеведения, в эти годы исподволь прорастает новая тенденция к централизации в исследованиях, к унификации подходов, происходит постепенное «огосударствление» сферы археологических занятий. Вместе с этим образ археолога-краеведа-любителя постепенно становится исчезающей фигурой в уральской археологии — ему на смену приходит археолог-профессионал, причем, как правило, это не любопытствующий провинциал, а ученый из столицы.

Пространственное воплощение этих тенденций, естественно, приобретало своеобразные региональные очертания внутри урало-поволжского региона. Частью этого провинциального научного ландшафта стала археология в Удмуртии. В разные периоды до 1920-х гг. эта археологически исследуемая территория оказывалась то на периферии научного интереса, то трудами энтузиастов обретала интеллектуальное лидерство, то находилась в маргинальном состо-

янии. В пределах Глазовского уезда ее археологические памятники были известны в России еще в последней четверти XIX в. усилиями Н.Г. Первухина и поддержкой МАО. Сарапульский уезд целенаправленно исследовался с 1909 г. земским музеем и Обществом изучения Прикамского края, а задолго до этого стараниями А.А. Спицына значительный круг археологических памятников был изучен и каталогизирован. Археологические памятники Малмыжского уезда входили в орбиту познавательного интереса Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете.

Изучение научных событий в области археологии 1920-х гг. потребовало поиска новых источников. Наиболее подробные материалы для этой цели удалось выявить в ЦГА УР (ЦГА УР а), в Архиве РАН (АрРАН а). Но, как показала практика, наиболее ценные источники содержатся «на местах»: как в архивах крупных региональных музеев (ОПИИ НМУР а), так в еще большей степени – в небольших районных и городских музеях и архивах муниципальных образований (ВМИК а). Целенаправленное изучение этих источников позволяет сделать интересные наблюдения. Следует обратить внимание на то, что в 1920-е гг. происходит пространственное смещение провинциальных археологических центров, что во многом связано с изменениями в административном разделении страны. Так произошло и в Удмуртии: центр археологического интереса в регионе постепенно переместился из г. Сарапула в г. Ижевск, ставший столицей Вотской автономной области, а затем и Удмуртской АССР, хотя нет никаких сведений до 1920-х гг. в истории поселка Ижевского завода об археологических интересах его жителей.

Интерес к древностям, возникший в Ижевске в начале 1920-х гг., связан во многом с двумя обстоятельствами. Во-первых, заводской поселок обретает статус города и черты столичности, в том числе через получение новых социальных институтов, таких как музей, научные общества, научно-исследовательский и педагогический институты. Это обретение во многом связано и с ростом национального самосознания в Удмуртии. Этноцентристская парадигма познания родного края в связи с получением политического статуса этнического региона сделала этноисторическую проблематику особенно значимой для решения общественно-политических задач. Изучение археологических памятников удмуртского народа в 1920-е гг., демонстрация с помощью археологических материалов его реальных исторических истоков и особенностей истории стали важным политическим ресурсом в борьбе за социальные и политические права. Особенно это касалось средневековых древностей. Не случайно Главнаука, организуя региональные исследования в Приуралье, в качестве своих первоочередных задач ставила археологическое изучение средневековых и позднесредневековых памятников, в особенности могильников, с тем чтобы воедино увязать археологическую и этнографическую историческую линию развития народов Урало-Поволжья (АрРАН б. Л. 50).

Одним из новых центров, где была представлена археология в Удмуртии, стали Музей местного края и научное общество изучения Вотского края (НОИВКа). Создаваемые с нуля в городе, не имевшем прежде подобного опыта деятельности, они опирались на познания в этой области небольшого круга просвещенных деятелей новой послереволюционной волны — таких, как К. Герд (в середине 1920-х гг. аспирант Научно-исследовательского института этнических и национальных культур советского Востока), а также носителей прежних краеведческих традиций, таких, как один из учредителей Общества изучения Прикамского края врач Ф.В. Стрельцов.

НОИВКа было учреждено по инициативе К. Герда в январе 1925 г. Его устав, созданный, за неимением опыта, по аналогии с Уставом Общества изучения Прикамского края и «переработанный по условиям момента», предполагал реализацию просветительских целей, основанных на научных знаниях, для получения которых предполагалось сотрудничество с научными учреждениями (ЦГА УР б. Л. 8). Таких учреждений в Удмуртии в 20-е гг. не было. Поэтому общество вынуждено было выполнять исследовательскую миссию в рамках краеведческой парадигмы, которая представляла собой синтез любительского взгляда на археологические материалы с научными представлениями о них. Археологические знания наряду с другими краеведческими представлениями стали инструментом просвещения местного населения, формирования в нем активной гражданской позиции, в том числе и через осмысление глубины и мас-

штабов его древней истории и обретение этой истории. Этноцентризм в данном случае способствовал рождению нового знания. Не случайно педагог-просветитель А.З. Ларионов отмечал: «Общество имеет целью изучение Вотского края со всех сторон и что для этой цели необходимо объединить научно-исследовательские силы. До настоящего времени жизнью и бытом вотяков главным образом интересовались русские, например, Луппов и некоторые другие. Производилось исследование быта и языка вотского народа, но данных очень мало известно не только русским, но вотякам» (ЦГА УРв. Л. 32). Другой член-учредитель НОИВК А.М. Филиппов, был убежден в том, что Обществу по силам проведение самостоятельных научных исследований: «Наш край забытый и заброшенный, но с открытием автономной области стал двигаться вперед, и мы вполне созрели для исследовательских работ» (ЦГА УР в. Л. 32).

В структуре Общества была выделена секция археологии. Ф.В. Стрельцов, опираясь на опыт работы в Сарапульском земском музее, предлагал уже проверенные в прошлом формы работы: «Необходимо <...> создать библиотеку и издать свои труды <...>, приобретать имеющиеся готовые материалы у некоторых лиц Вотобласти <...> путем выпуска анкет собирать необходимые для общества данные — непосредственно от населения». Решение Правления была выпущена анкета тиражом 1500 экз. (ЦГА УР в. Л. 32).

Один из многих информантов сообщал: «В Ново-мултанской волости имеется городище времен пугачевщины. Учащиеся педтехникума производили раскопки, и были обнаружены части скелета, топор и нож» (ЦГА УР г. Л. 30). Это и другие подобные сообщения свидетельствовали об отсутствии в краеведческой среде представлений о профессиональных нормах археологической деятельности, уже сформировавшихся в российской науке. Для краеведов археологическим объектом являлось все, что свидетельствовало о прошлом края, глубина этого прошлого не имела значения. В активном сборе археологических сведений четко обозначила себя экстенсивная практика развития краеведческой парадигмы: она была нацелена исключительно на операции сбора фактов о местной истории (Маловичко, Мохначева. С. 38). Для краеведов «процесс «сбора» фактов — смысл истории» (Маловичко. 2003. С. 41). Публикации краеведов в «Трудах» НОИВКа демонстрируют еще целый ряд своеобразных черт краеведческой парадигмы: ее антикваризм и эрудитский характер, ограниченность предмета исследования (только «свой» материал) и, как следствие, выводов (Маловичко, Румянцев. 2009. С. 534).

Так, в статье краеведа Ившина, участника экспедиции Главнауки внимание сконцентрировано на повествовании о последовательности деятельности, связанной с проводимыми раскопками, указывается, кто, когда и куда прибыл и чем занимался на раскопе, периодически прорываются эмоционально окрашенные реплики: «Раскопки были очень интересны, казалось, что мы разрываем из-под земли своего рода Помпею в миниатюре, что ни траншея, то новость», «разобран весь добытый материал (весом до 207 кг, 13 или 14 пудов)». В подобном историописании — некритическое отношение к источникам, произвольное отношение к ним, вплоть до построения произвольных исторических выводов. «Раскопкой городища удалось выяснить полностью быт насельников городища» (ОПИ НМУР 6).

Весьма показателен в этом отношении и труд Ф.В. Стрельцова «Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области» (Стрельцов. 1927. С. 61–76). Описание археологических памятников дано в произвольной форме, даже без точного указания на местоположения памятника.

Несомненной заслугой НОИВКа стала организация профессиональных археологических исследований в Удмуртии с участием московских археологов С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова с лета 1926 г. Этому предшествовала обстоятельная переписка, в том числе и с этнографом Ю.М. Соколовым, научным руководителем К. Герда в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур советского Востока. Именно Ю.М. Соколову принадлежит идея раскопок древнеудмуртских памятников с целью ретроспективного соединения этнографической и археологической истории и создания научной истории удмуртского народа. Стараниями Ю.М. Соколова через Главнауку были определены специалисты для осуществления этих раскопок (АрРАН б. Л. 50) — С.Г. Матвеев, ученый секретарь археологического подотдела Главнауки, и аспирант Института археологии и искусствознания РАНИОН А.Я. Брюсов (этот факт удалось выявить впервые в архиве РАН).

Однако вместо А.Я. Брюсова, по неизвестным пока причинам, вместе с Матвеевым в Удмуртию приехал аспирант этого же Института А.П. Смирнов. С.Г. Матвеев также обучался в аспирантуре Института археологии и искусствоведения РАНИОН, правда, позднее, в 1928 г. он был отчислен из нее в виду непредставления к диссертации (АрРАН в. Л. 48). По всей видимости, поэтому его имя исчезает из источников, связанных с историей археологии и дальнейшее руководство работами переходит к А.П. Смирнову. Однако, именно ему, как представляется, принадлежит первая научная программа изучения памятников на территории Удмуртии.

В отличие от краеведческого взгляда на археологические памятники эта программа вписывает археологические объекты Удмуртии в широкий научный контекст, содержит обоснование их значимости как для самой территории автономной области, так и для изучения ранней истории страны в целом. В ней указаны методические подходы к изучению региона. С.Г. Матвеев пишет: «Каждый народ и каждый человек интересуется прошлым своим и своей страны. Особенно важно *познание древних материальных культур народу, который только недавно приступил к определению и выявлению своих национальных особенностей и культуры. Исследование древних культур имеет не только научное и общеобразовательное значение, но и практическое, так как дает материал для суждения, как развивается быт данной страны и народа, как должен развиваться и какие стороны приходят в упадок или, наоборот, развиваются. Общая цель археологических раскопок — найти и изучить вещественные памятники быта, орудия труда, предметы искусства, культа, торговли и ремесел вымерших поколений.* В частности, предлагая в текущем году начать археологические исследования в Вотской Автономной области, я намечаю следующее: 1. Предварительное рекогносцировочное обследование древнейших памятников — городищ, стоянок, курганов, следуя с этой целью по системам рек и речек как путей, по которым в древности расселялись племена и народы. 2. Археологические раскопки, намеченные разведками, памятников, намеченных в числе, зависящем от средств и трудности работы и размера памятника — городищ, стоянок и т.д. Научные цели раскопок следующие: а) *исследование древнего быта*; б) *выяснение последовательности смены культур*, начиная с древних; в) *определение культурных особенностей народностей*, населявших территорию Вотской области, и их связи с современным населением; г) *выяснение древнейших культурных связей* Вотской области, с Востоком и Юго-востоком и путей распространения этих связей. Все добытые коллекции будут *научно обработаны* и поступят в местный музей. *Отчеты* будут представлены в распоряжение Вотского облоно. *Раскопки этого года не могут быть исчерпывающими и должны, в случае успеха, продолжаться в течение долгого периода* (курсивом выделено мной. — О.М.)» (ЦГА УРд. Л. 13, 13 об.).

Этот документ весьма показателен с точки зрения развития научной методологии начала 20-х гг. Она полностью подчинена идеям культурно-исторического подхода в версии палеоэтнологического направления. Они предполагали «тщательное территориальное исследование остатков культуры с целью дифференциации отдельных групп населения, определения специфического облика их культуры. Основной единицей культурно-исторического анализа выступали этнические формирования» (Генинг. 1982. С. 77). Идеи этой парадигмы осваивает местное краеведческое сообщество, активно контактируя с московскими учеными с лета 1926 по 1928 гг., затем с перерывами в 1932, 1936 гг.

Личное участие в археологических экскурсиях, знакомство с профессиональными археологами, редактирование публикаций в «Трудах» НОИВКа отразилось на содержании археологических публикаций Ф.В. Стрельцова. Он изобретает их весьма своеобразную форму — рефераты научных отчетов, докладов и публикаций С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова. В терминологии его статей главные акценты сделаны на включенности удмуртского народа и истории края в общемировой исторический процесс, придании исторической значимости полученным материалам (ВМИК б. № 3966). Просветительская направленность публикаций Ф.В. Стрельцова заставляет его конструировать образы локальной коллективной памяти и одновременно выбирать те сюжеты, которые подходят нуждам настоящего, — выделиться среди других народов своеобразными чертами материальной культуры. Одновременно общение с учеными привело

автора к освоению специальной терминологии и научных концепций («ананьинская культура», «костеносные городища» и др.). Осознание любительского уровня своих познаний в области археологии проявляется в регулярной подписи Ф.В. Стрельцова под всеми своими работами в области археологии: «Врач Ф.В. Стрельцов». По всей видимости, этот статус для себя он считал самым важным. Осмысление археологии для него происходило из глубокого убеждения о необходимости для каждого человека знания истории родного края. Лишь однажды, в 1928 г., когда потребовалось спасти от разрушения целый ряд архитектурных объектов Удмуртии, Ф.В. Стрельцов от имени НОИВКа обратился с письмом в Главнауку, подписавшись под прошением «археолог-любитель» (ЦГА УР е. Л. 64).

Важный нюанс взаимоотношений между Обществом и московскими участниками раскопок. В одном из протоколов заседаний НОИВКа А.П. Смирнов назван профессором. Конечно, это не соответствовало действительности: А.П. Смирнов был еще аспирантом. Но в этой оговорке просматривается признание более высокого профессионального статуса молодого исследователя перед его провинциальными коллегами-любителями.

Раскопки породили коммуникационные практики — переписку ученых-археологов с местными деятелями. Будучи носителями норм научной деятельности, профессионалы пытались сформировать в провинции серьезное отношение к археологической работе. Так, в одном из писем директору Ижевского областного музея М.И. Ильину А.П. Смирнов пишет: «Многоуважаемый Михаил Ильич! Я решил обеспокоить Вас настоящим письмом, потому что прошли уже все сроки моего отчета перед Главнаукой. Весной я посылал Вам коллекционную опись и письмо, в котором я просил Вас прислать МНЕ акт приемки у меня коллекции. И к сожалению, не получил до настоящего времени. Должен Вас уведомить, что до получения от Вас акта приемки новую коллекцию из раскопок 1928 года я Вам не вышлю. Неполучение мною от Вас акта приемки коллекций поставило меня в крайне тяжелое положение — и сорвало одну работу, весьма для меня интересную» (ОПИ НМУР в).

В последующие годы государственная политика в области развития археологии в регионах привела к централизации в управлении наукой, хотя предпринимались и центростремительные шаги: одним из них было создание научно-исследовательских институтов на местах (например, в 1931 г. в Удмуртии). Но, не имея собственных научных кадров, средств, а зачастую и исследовательских традиций, регионы оказались в археологическом изучении зависимы от АН СССР. Новые пединституты (в том числе и основанный в 1931 г. в Ижевске УГПИ) не были обременены исследовательской деятельностью вообще. Стремительная идеологизация и централизация краеведческой деятельности изменила содержательные ориентиры работы. Центральное бюро краеведения нацеливало краеведов на несвойственную им деятельность: «Решительное вскрытие вредительской идеологии в краеведческом движении, наших ошибок и мобилизации этой критики вокруг широких слоев рабочих и колхозников» (ЦГА УР ж. Л.24). Последовавшие политические процессы начала 30-х гг. подорвали развитие краеведческой инициативы, а с таким трудом формирующийся интерес к археологии, как и кадры для его реализации, попали под государственный пресс.

Научная культурно-историческая парадигма стала испытывать воздействие марксизма. Именно на удмуртских материалах будет основан доклад А.П. Смирнова на секции теории и методологии РАНИОН в 1928 г. «Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII веков нашей эры». Это первый опыт в формировании социально-исторической парадигмы в советской археологии, исследование которой весьма значимо для понимания развития археологии в Удмуртии в последующие годы.

#### Литература:

Генинг В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). — Киев, 1982.

Маловичко С.И., Мохначева М. 2007. Тенденции и перспективы интеграции региональных исследований // Региональная история Украины: Сб. научных статей. — Киев, 2007 — Вып. 1. — С. 38.

Маловичко С.И. 2003. Историография локальной истории: современное состояние и основные тенденции развития // Новая локальная история. — Ставрополь, 2003. — Вып. № 1.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. 2009. Новая локальная история в образовательных практиках высшей // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Материалы Всероссийской научной конференции. — Ижевск, 2009.

Стрельцов Ф. В. 1927. Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области / Ф. В. Стрельцов // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1927 год. — 1927. — Вып. № 3. — С. 61–76.

Архив РАНв. — Ф. 677. Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур советского Востока.

Архив РАНб. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 6. — Л. 50. Личный состав Научно-исследовательского института этнических и национальных культур советского Востока. Переписка и списки.

Архив РАНв. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 37. Научно-исследовательский институт народов Востока. Выписки из протоколов заседания президиума РАНИОН. Протокол заседания Президиума РАНИОН от 18.01.1929 г. Л. 48.

ВМИК. Коллекция. Книги Ф.В. Стрельцова заслуженного врача УАССР, краоведа. Инв. № 3966.

Отдел письменных источников Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда (ОПИ НМУР)а. Инв. № 19584-УРМ. Текст Ившин. Находки археологической экспедиции 1926 года в Глазовском уезде (Предварительное сообщение. Глазов 15 октября 1926 года).

ОПИ НМУРб. — Инв. № 19570-УРМ. Донды-карское городище Кар-Йыл (Глазовский уезд).

ОПИ НМУРв. — Инв. № 31942/9-УРМ.

ЦГА УРа. — Ф. Р-195. Областной исполнительный комитет. Материалы об организации и работе научно-краеведческого общества по изучению местного края (протоколы, выписки из протоколов, устав, переписка).

ЦГА УРб. — Ф. р-195. — Оп. 1. — Ед. хр. 359. — Л. 8.

ЦГА УРв. — Ф. р-195. — Оп. 1. — Ед. хр. 359. — Л. 32.

ЦГА УРг. — Ф. Р-195. — Оп. 1. — Ед. хр. 359. — Л. 30.

ЦГА УРд. — Ф. Р-195. — Оп. 1. — Ед. хр. 504. — Л. 13, 13 об.

ЦГА УРе. — Ф. Р-195. — Оп. 1. — Ед. хр. 359. — Л. 64.

ЦГА УРж. — Ф. Р-1107. — Оп. 1. — Ед. хр. 12. — Л. 24 об. Резолюция Пленума Центрального Бюро Краеведения от 25 марта 1931 г.